

Н. А. Магомедова

TÉNÈBRES / МИЧИ «ТЬМА» В КОДИФИКАЦИИ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале французского и лезгинского языков)

Работа представлена кафедрой общего языкознания

Дагестанского государственного педагогического университета.

Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор З. М. Загиров

Статья посвящена анализу языковой картины мира, создаваемой семемой «тьма» (мичI и ténèbres) в лезгинском и французском языках. Установлено, что мичI широко используется в кодификации картины мира в лезгинском языке при инертности ténèbres во французском языке в затронутом аспекте.

Ключевые слова: семема, семантема, языковая картина мира.

N. Magomedova

TÉNÈBRES / МИЧИ “DARKNESS” IN THE NAIVE WORLD PICTURE CODIFICATION (ON THE BASIS OF THE FRENCH AND LEZGIN LANGUAGES)

The article is devoted to the language world picture created by the sememe “darkness” (мичI / tñnubres) in the Lezgin and French languages. It is stated that “мичI” is widely used in codification of the world picture in the Lezgin language along with the inertness of “tñnubres” in French in the aspect regarded.

Key words: sememe, semanteme, language world picture.

Начало XXI в. характеризуется в лингвистике значительными переменами и новыми направлениями в изучении языка на самых различных уровнях. Изменения в парадигме исследований в современной лингвистике коснулись и дагестанского языкознания: разработан и реализуется проект «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» – Программа фундаментальных исследований Президиума РАН, отмечены, равным образом, диссертационные исследования и работы статейного характера. Однако проблемы сопоставительного изучения картины мира в дагестанском языкознании все еще находятся в зачаточном состоянии. В свете изложенного наше обращение к ментальной сущности «тьма» в кодификации наивной картины мира в лезгинском и во французском языках не требует специальной аргументации актуальности затронутой проблемы. К тому же о процессах концептуализации в наивном, обыденном сознании мы можем судить только с опорой на систему языковых репрезентаций знания.

Исследование ведется на уровне композиционной семантики, в основе которой лежит

утверждение о том, что сумма смыслов рождает новые смыслы [5, с. 301]. На словообразовательном уровне данная тема разрабатывается с привлечением данных зарубежных авторов, в первую очередь в работах Е. С. Кубряковой, таких как «Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования» [3, с. 4–6] и «Композиционная семантика: цели и задачи» [4, с. 13–24]. Теоретические положения, изложенные в этих статьях, мы и применяем к исследуемому нами материалу.

В настоящей статье излагаются основные результаты сопоставительного анализа семем ténèbres/мичI «тьма», их словообразовательных дериватов и фразеологических единиц с этими компонентами, так как именно фразеологизмы репрезентируют в качестве вербальных единиц наивное знание и, являясь достоянием народного национального языкового сознания, становятся важнейшим средством концептуального членения и освоения мира.

Сравнение семем мичI и ténèbres, их дериватов и фразеологических единиц с этими компонентами показывает, что в семантиче-

ском аспекте межъязыковые корреляты весьма ограничены.

Лезгинский язык

мичI «тьма»
мичIвал «тьма, темнота»
мичIи «темный»

Французский язык

ténèbres «тьма»
ténèbreux, euse
 «темный, -ая»

Остальные производные от сопоставляемых единиц не являются межъязыковыми коррелятами на уровне относительно автономных единиц языка:

Лезгинский язык

мичIелди
мичIер
мичIивал
мичIи-аби
мичIи-вили
мичIи-шуйтрукъ
мичIи-куьрен
мичIи-къацу
мичIи-яру
мичIи хьун
мичIизмаз
мичIила

– «дотемна»
 – «ночи»
 – «темнота»
 – «темно-синий»
 – «темно-синий»
 – «темно-коричневый»
 – «темно-желтый, бурый»
 – «темно-зеленый»
 – «темно-красный»
 – «темнеть»
 – «пока еще темно»
 – «из-за темноты, по причине темноты»
 – «ухудшение состояния, благополучия»
 – «ухудшить чье-либо благополучие».

Экуь югъ мичIи хьун –

Экуь дунья мичIи авун –

Французский язык

Ténébreusement –

Ténèbres cimmériennes –

Ange (esprit, prince)

de ténèbres –

Empire des ténèbres –

oeuvre de ténèbres –

Demeurer dans

les ténèbres –

Le Beau Ténébreux –

Le beau ténébreux –

«темным образом; подло»
 «крошечная, не проглядная тьма»
 «сатана»
 «преисподняя, ад»
 «темное дело»
 «оставаться в неизвестности»
 «мрачный красавец (прозвище)»
 «задумчивый, мрачный поклонник»

Семемы *мичI/ténèbres* «тьма», будучи межъязыковыми соответствиями, в то же время не эквивалентны. Внутренняя форма *мичI* абстрактна, хотя и определяется Словарем лезгинского языка как *эквавачир гьал* – «состояние отсутствия света» [2, с.62]. Состояние темноты передается семемой *мичIивал* – «состояние темноты» (темное состояние).

Тьма, темнота, кодифицированная семемой *ténèbres* – это субстанциональная темная среда с категорией грамматически выраженной множественности.

Морфологический коррелят французскому *ténèbres* – лезгинское слово *мичIер*, в единстве составляющих его компонентов (тьма + множественность «-ер») результирующим имеет ментальную сущность, которая в лезгинском этносе воспринимается как «ночи».

МичI «тьма» – моносемичное слово, *ténèbres* – семантема, состоящая из четырех семем: 1) «тьма»; 2) «преисподняя, ад»; 3) «незнание, неизвестность, неизведанность»; 4) «темнота, невежество». При этом новые семемы от исходной *ténèbres* «тьма» создаются посредством акцентуации компонентов в структуре исходной семемы: «темная среда + множественность = тьма», «темноты»; «темная среда + множественность = преисподняя» (на фоне религиозного дискурса). Первые две семемы ощущаются как единицы языка, т. е. вербализованы. На концептуальном уровне остаются *ténèbres*₃ «незнание, неизвестность» и *ténèbres*₄ «темнота, невежество», которые реализуются в речи, оставаясь имплицитными на уровне лексемы *ténèbres* как языковой единицы.

Другим коррелятом *ténèbres* является лезгинское *мичIивал*, морфология которого предполагает *мичI* – «темнота» > *мичI-и* «темный» + *вал* «суффикс со значением состояния» и кодифицирующий две семемы:

а) *мичIивал*₁ «тьма, темнота»:

МичIивал къвердавай артухъ хьана, рехъ ахкваз амукънач. – «Тьма сгустилась, дорога уже стала невидимой».

б) *мичIивал*₂ «темнота, невежество»:

Себеб ам я хьи, чи папар авам, гилани мичIивилик кума. – «Суть в том, что наши необразованные женщины до сих пор остаются во тьме (невежестве)».

Тем не менее *мичI* и *мичIивал*, кодифицирующие три семемы – *мичI* «тьма», *мичIивал*₁ «тьма, темнота» и *мичIивал*₂ «темнота, невежество» – вместе взятые не покрывают семантему *ténèbres*, включающую и семему *ténèbres*₃ «незнание, неизвестность»:

Une pensée enfouie dans les ténèbres. – «Мысль, заплутавшая в неизвестности».

Следует отметить, что в самом лезгинском языке *мичI* и *мичIивал* даже в значении «тьма, темнота» не являются эквивалентами. Так грамматически вполне нормально сочетание *рангунин мичIивал* «темнота краски» при некорректности *рангунин мичI*.

МичI «тьма» в сочетании со слогословом – исторической элементарной предикацией *-и* «есть, имеется» [1, с. 5] кодифицирует признак темного, передаваемый прилагательным *мичI-и* (тьма есть) «темный».

МичIи ийфер хъанаяргъи. – «Темные ночи стали длиннее».

При этом в структуре *мичI-и* семантика морфемы *и* «есть, имеется» утрачивает эксплицитное грамматическое значение предикативности.

Кроме примарной семемы «темный», смысловая структура *мичIи* включает еще одну семему – «темный, неизвестный, канувший в Лету», метафорически развивая исходную ментальную сущность «темный (физический аспект)».

В деривативном аспекте *мичIи* «темный» специализируется в кодификации оттенков цветовой гаммы:

- *мичIи къацу* – (темный зеленый) «темно-зеленый»;

- *мичIи яру* – (темный красный) «темно-красный» и т. д., образуя сложные лексические единицы.

Семантика *мичIи* «темный» в структуре сложносоставных прилагательных сужается, выступая в качестве актуализатора степени цвета, выраженного опорным прилагательным: *мичIи вили* – (темный синий) «темно-синий».

Французское прилагательное *ténèbreux, -euse*, равно как и *мичIи*, образовано посредством аффиксации: суффикс *-eux, -euse* присоединяясь к основе *ténèbr-* существительного

ténèbres, обуславливает утрату грамматического значения предметности при сохранении лексического значения «тьма». Результирующим оказывается кодификация признака темного. Рассматриваемая единица различает на грамматическом уровне мужское и женское начало, что не присуще лезгинскому *мичIи*. В отличие от *мичIи, ténèbreux, ténèbreuse* кодифицирует:

- *ténèbreux, -euse*₁ – «темный» (в единстве физического и морального аспектов), ср.: *un bois ténèbreux* – «темный лес»;

Ma jeunesse ne fut qu'un ténèbreux orage. – «Молодость моя была темной бурей»;

- *ténèbreux, -euse*₂ – «темный, непристойный, подлый», ср.: *une intrigue ténèbreuse* – «темная, непонятная, подлая», интрига;

- *ténèbreux, -euse*₃ – «темный, непонятный», ср.: *une ténèbreuse affaire* – «темное дело».

Таким образом, *мичIи* и *ténèbreux, -euse* – суть частичные языковые соответствия, совпадающие в значении «темный», когда речь идет о пространстве, ср.: лезг. *мичIи там* – «темный лес»; франц. *un bois ténèbreux* – «темный лес».

Однако следует отметить, что *ténèbreux, -euse* и *мичIи* не эквивалентны даже в прямом значении, ср.: лезг. *мичIи ийф* – «темная ночь»; франц. *une nuit noire* – (черная ночь) «темная ночь».

Наречие *мичIиз* «пока темно» и *ténèbreusement* «темным образом, недостойно, подло» суть межязыковые соответствия на уровне частей речи. Они различаются как на семантическом уровне, так и в плане композиционной семантики.

МичIиз, образованный посредством присоединения суффикса *-з* к прилагательному *мичIи* «темный», сохраняет значение тьмы и под влиянием семантики суффикса *-з* транспонируется в область детерминации астрономического времени через темное время суток – «пока темно».

Ténèbreusement, образованное посредством присоединения морфемы *-ment* с историческим значением «образ мыслей», в единстве с прилагательным *ténèbreuse* образует новую семему «недостойно, подло» вследствие транспозиции тьмы из области природных феноменов в морально-этический дискурс.

Исследуемые единицы разнятся и в аспекте фразеобразования: в лезгинском языке прилагательное *мичли* является компонентом трех фразеологизмов, в то время как *ténèbres* – двух фразеологизмов и в функции прилагательно-го – 5 фразеологических единиц, ср. соответственно:

<i>мичли</i> «темный»:	
<i>Экуь югъ мичли хьун</i> –	«ухудшиться (о благо-состоянии)»
<i>Экуь дуйнья мичли авун</i> –	«ухудшить бывшее благосостояние»
<i>Экуь дуйнья мичли хьун</i> –	«света белого не видеть»
<i>ténèbres</i> «тьма»:	
<i>Ténèbres cimmériennes</i> –	«тьма крошечная»
<i>Ange (esprit, prince) des ténèbres</i> –	«сатана»
<i>Empire des ténèbres</i> –	«преисподняя, ад»
<i>Demeurer dans les ténèbres</i> –	«оставаться в неведении»
<i>Le Beau Ténébreux</i> –	«мрачный красавец»
<i>Le beau ténébreux</i> –	«задумчивый, мрачный поклонник»

Французские фразеологизмы, содержащие лексему *ténèbres* «тьма» или ее производные, символизируют понятия ада, апокалипсиса, греха, незнания, смерти, замкнутости и т. д., т. е. наращивают различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера. Это видно из нижеследующих фразеологических единиц:

Oeuvre de ténèbres – «темное дело» (темная работа) [6, с. 762]. В рассматриваемом фразеологизме реализуется отрицательная коннотация, приписываемая французской ментальностью качеству темного. Поэтому *oeuvre de ténèbres* следует понимать как «темное, недоброе дело».

Demeurer dans les ténèbres – «оставаться в неизвестности, покрытым мраком» (оставаться во тьме) [6, с. 1016]. В приведенном контексте семема *ténèbres* реализуется в значении, в соответствии с объективной реальностью: темный > невидимый > неизвестный, без отрицательной коннотации, ср.:

Qui a fait faire le coup? C'est ce qui est demeuré dans les plus épaisses ténèbres. – В чьих руках были тайные пружины этого дела? – Именно это так и осталось покрытым мраком неизвестности» [6, с.1016].

Le Beau ténébreux – «задумчивый и меланхоличный поклонник» (темный красавец) [6, с. 113]. Появление этого фразеологизма в форме «*Le Beau ténébreux*» обязано литературному герою Амадею де Голь [*Amadis de Gaule*] – главному персонажу одноименного испанского рыцарского романа, написанного Гарсией Родригесом де Монтальво в 1508 г. Данный образ стал образом идеального типа странствующего рыцаря и верного возлюбленного, который, будучи отвергнутым возлюбленной, стал вести замкнутый образ жизни. Это обстоятельство стало причиной прозвища «*Le Beau ténébreux*» – «задумчивый и мрачный красавец», которое затем стало именем нарицательным для обозначения красивого молодого человека с мрачным и романтическим выражением лица.

Прилагательное *мичли* «темный», кодифицирующее на уровне семантемы природные явления, в структуре фразеологических единиц репрезентирует ментальные сущности, соотношенные с ухудшением единства психологического и материального комфорта:

Экуь дуйнья мичли хьана аз. – (Светлый мир темным для меня стал.)

«Света белого я не видел».

Заз экуь югъ мичли хьана. – (Светлый день для меня темным стал.) «Не видел я светлого дня».

Семантема *ténébreux* в структуре фразеологизмов сохраняет семемы, образующие смысловую структуру этого слова, т. е. в структуре фразеологических единиц семантические изменения *ténébreux* мало ощутимы, если не считать *ténébreux* «мрачный, задумчивый» в случае фразеологических вариантов *Le Beau Ténébreux* и *le beau ténébreux*.

С другой стороны, отрицательная коннотация семемы *мичли* «темный» реализуется в оппозиции к *экуь* «светлый» – условие, не обязательное для семемы *ténébreux*, *-euse*:

Prince de ténèbres – «сатана» (принц тьмы).

Для французов *ténébres* «тьма» – это среда, в которой мало света, а в сознании носителей лезгинского языка *michI* «тьма» – это отсутствие света. Именно это обстоятельство обуславливает и различное развитие примарных

семем *michI* и *ténébres*. Это не исключает совпадения в кодификации отдельных фрагментов картины мира при преимущественно различной концептуализации тьмы во французском и лезгинском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев И. Ш.* Действо как бытие ситуации. К проблеме этимологической семантики компонентов содержательной структуры дагестанского глагола. Махачкала, 2003. 42 с.
2. *Гюльмагомедов А. Г.* Словарь лезгинского языка. Махачкала, 2003. Кн. 2. 624 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика: материалы III Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сентября 2002 г.: в 2 ч. Тамбов, 2002. Ч. I. С. 4–6.
4. *Кубрякова Е. С.* Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 1. С. 13–24.
5. *Щерба П. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2. С. 301–312.
6. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963. 1112 с.

REFERENCES

1. *Abdullayev I. Sh.* Deystvo kak bytiye situatsii. K probleme eti-mologicheskoy semantiki komponentov soderzhatel'noy struktury dagestanskogo glagola. Makhachkala, 2003. 42 s.
2. *Gyul'magomedov A. G.* Slovar' lezginского yazyka. Makhachkala, 2003. Kn. 2. 624 s.
3. *Kubryakova E. S.* Kompozitsionnaya semantika: tseli i zadachi // Kom-pozitsionnaya semantika: materialy III Mezhdunarodnoy shkoly-seminara po kog-nitivnoy lingvistike, 18–20 sentyabrya 2002 g.: v 2 ch. Tambov, 2002. Ch. I. S. 4–6.
4. *Kubryakova E. S.* Kognitivnaya lingvistika i problema kompozitsionnoy semantiki v sfere slovoobrazovaniya // Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka. 2002. T. 61. N 1. S. 13–24.
5. *Shcherba P. V.* O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperi-mente v yazykoznanii // Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. M., 1960. Ch. 2. S. 301–312.
6. Frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar' / pod red. Ya. I. Retskera. M., 1963. 1112 s.